

РАЗРЕШИТЕ ПРЕДСТАВИТЬ

Одного лишь беглого взгляда на эту фотографию достаточно, чтобы улыбнуться. Наверное, многие узнают в этом лице Леонида Енигбарова, талантливого артиста, искусством которого недавно восхищались зрители, побывавшие в Бакинском цирке.

Но не многие знают, что клоун «с осенью в сердце» еще и литератор. Во время пребывания у нас в городе Леонид Енигбаров любезно согласился написать «что-нибудь» для «Молодежки». Прошло время, и вот на наш адрес пришел пакет. Таким образом, сегодня у зрителей и наших читателей еще одна встреча с талантливым артистом, но на этот раз как с автором лирических миниатюр.

Шар на ладони

В цирке люди делают сложнейшие трюки.

Они летают под куполом, жонглируют десятками предметов и еще стоят на руках, и этому, я утверждаю, особенно трудно и сложно научиться.

И сложно это не только потому, что по ночам у вас будут болеть плечи от бесконечных тренировок, распухать кисти рук и наливать кровью глаза...

Все это, конечно, тяжело, и все-таки это рано или поздно забывается. Вот только одно никогда не забывается, это, когда ты стоишь на двух руках, медленно отрываешь одну руку от пола и понимаешь, что у тебя на ладони лежит земной шар.

Однажды в Одессе

К славному Одесскому пароходству этот рассказ никакого отношения не имеет.

Автор.

Теплоход «Иван Чихира» тонул в двух метрах от пирса.

Налевая одесская осень роняла зеленые ежики каштанов на приморский бульвар под ноги самым красивым девушкам на свете.

А теплоход тонул в двух метрах от пирса на глазах смеющейся красавицы Одессы.

Тонул ли?

Вот тут было и разногласие. Тонул или не тонул?

С одной стороны, тонул, весь город видел, что тонул, но с другой стороны, со стороны капитана и пастажиров (это были работники пароходства, отправившиеся на экскурсию в Батуми) — нет! Так как на руках были все документы, подтверждающие, что в ближайшем квартале «Иван Чихира» утонуть не может. Заключение комиссии о капремонте, справки о состоянии обшивки, трюма и т. п. — все было налицо, а то, что вся Одесса смеется и кричит: «Спасайся кто может!», так это ж Одесса.

А теплоход все больше погружался в ультрамариновое море, и вода уже заливала нижнюю палубу. Собрав свои пожитки, на берег перепрыгнул боцман Семенов, темный человек, не веривший в документы, за ним поскакали несознательные матросы.

Но капитан Филिमон Смурило твердо стоял на своем: «Быть того не может, чтоб тонули, если сам тов. Фунькин подписал приказ, чтоб идти «Ивану Чихире» в Батуми, значит идем, но пока медленно».

Палевая одесская осень роняла зеленые ежики каштанов на приморский бульвар под ноги самым красивым девушкам на свете.

А теплоход утонул. С капитаном и работниками пароходства. Вся Одесса видела, но по предписанию 16 октября «Иван Чихира» должен прибыть в Батуми, и, если он опоздает, у многих будет неприятности.

А то, что вся Одесса видела, так это ж Одесса.

Лестница

Однажды я встретился с лестницей. Это была лестница, ведущая вверх, по которой так часто скатываются вниз. Мы долго беседовали с ней, и я многое понял из ее рассказов.

Ошибаются те, кто думают, что главное в жизни человека — дороги. Нет, главное — лестницы. По ним мы поднимаемся и спускаемся (не всегда и не все самостоятельно), по лестницам мы карабкаемся, а иногда счастливо избегаем, перепрыгивая через две ступеньки к прекрасным мраморным площадкам успеха, порой таким непрочным. Оттуда мы больше видим, и все видят нас. После чего очень важно бывает определить, стоит ли подниматься выше и по какой лестнице или лучше вызвать лифт и передвигаться то вверх, то вниз в зависимости от механизма моды, общественного мнения, да мало ли чего, что управляет капризным лифтом.

Есть еще любители взбежать, отдав все силы сердца и мозга, на самый верх самых коварных и паткиных лестниц, а оттуда спускаться зерхом по перилам, испытывая наслаждение от оаций за безрассудство и храбрость. Здесь есть опасность не удержаться в конце и шлепнуться, но у того, кто спускается по перилам такой лестницы, дух захватывает и кружится голова, а аплодирующие? Они же собираются ради падения.

Да, главное в нашей жизни — лестницы, потому что ведь в конце концов любая дорога — это тоже лестница, только в начале незаметная. И особенно опасны кривые, когда из-за поворотов не чувствуешь, что опускаешься все ниже и ниже.

Вот что рассказала мне старая лестница, ведущая вверх, которая очень страдала, когда по ней скатывались вниз.

Не обижайте лестницы!

Пожар

В городе наступил конец апреля. Снег стоял, высохли на улицах ручьи, просохла земля во дворах и скверах, на подоконниках и балконах.

Чувствовалось, что ЭТО вот-вот должно случиться. По ночам голые ветки деревьев прислушивались, встречая утро: Сегодня или завтра?

И вдруг в одно солнечное раннее утро...

Стало тихо. Где-то на подоконнике заброшенного чердака зазеленел маленький листочек, потом зеленое пламя перекинулось вниз на черные газоны и, пробивая землю, побежало вдоль скверов и палисадников. Сразу занялась салятовым цветом береза, от нее вспыхнул тополь, потом изумрудный огонь пробежал по кустам сирени и акаций.

А на следующий день полыхал весь город. Зеленые волны нежной листвы пробивались отовсюду, и теплый ветер раскачивал их, раздувая весенний пожар.

Люди — они же дети, сколько раз их предупреждали, не играйте с огнем, но все равно каждый год как много их гибнет в весеннем огне, молодых и не очень. И только те, у кого сердце в старых ожогах, равнодушны к весне. Они хорошо знают, что постепенно огонь начнет затухать и, когда город подернется золотым осенним пеллом, когда начнут опадать на мостовые докрасна раскаленные, жаркие листья кленов, подует северный ветер, и холодные дожди погасят разгоревшиеся в апреле деревья. Вот тогда, те, кто был так опрометчив весной, кто не уберет своего сердца...

А, впрочем, сейчас май, ты целуешь меня, и может быть, в этом году не будет осени?

Безвременно

Все было как бы в тумане. За столом сидели солидные люди, но лиц было не разобрать, оратор во фраке и в тельняшке, вылитый Витька, еще подумал Федор, говорил речь. Сзади во всю стену висел его, Федора, портрет в траурной черной рамке! Федор прислушивался, и вот, что он услышал:

— Дорогие друзья, товарищи собутылники и однокружники, — говорил оратор. — Комок стоит в горле, нет слов, сегодня безвременно ушел от нас Федор Стопец.

Трезвость вырвала из наших рядов прекрасного, алкоголика и семьянина. Федор Стопец был всегда в первых рядах у стойки, грудью своей шел на буфеты. Наконец, он одним из первых освоил политуру.

Космический рекорд пребывания в трудных условиях вытрезвителя, который установил Федор Стопец, остается непревзойденным.

Трезвость безвременно вырвала из наших рядов винугоза «Столичной», мастера «Зверобоя», бескорыстного пивного труженника, но Федор Стопец всегда будет с нами. Он пил и страдал, страдал и пил, и я затрудняюсь сказать, чего было больше в его жизни.

Вокруг все всхлипывало. Федор вытирал голову из салата, утер слезы и толкнул соседа: «Вить, налей, а то снится, вроде, что помер».

Чокнулись. Закусили. Жизнь.